

РОССИЯ ИДЕТ В ОБХОД

ТРАНЗИТНЫЕ УКРАИНСКИЕ КРИЗИСЫ 2006 И 2009 ГОДОВ ВЫНУДИЛИ РОССИЮ И «ГАЗПРОМ» ИЗМЕНИТЬ ЭКСПОРТНУЮ ТРУБОПРОВОДНУЮ СТРАТЕГИЮ ПОСТАВОК ГАЗА В ЕВРОПУ: ОТ ГОСПЛАНОВСКОЙ «ОДИН РЫНОК – ОДНА ТРУБА» ПЕРЕЙТИ К КОНЦЕПЦИИ «ОДИН РЫНОК – ДВЕ ТРУБЫ», МИНИМИЗИРУЮЩЕЙ ТРАНЗИТНЫЕ РИСКИ. НЕОБРАТИМОЕ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ РЫНКА ГАЗА ЕС, СТРЕМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВ ЕВРОСОЮЗА ДИВЕРСИФИЦИРОВАТЬ ИСТОЧНИКИ И МАРШРУТЫ ПОСТАВОК И РАСШИРИТЬ НОМЕНКЛАТУРУ ПОСТАВЩИКОВ СОЗДАЕТ КАК НОВЫЕ РИСКИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, ТАК И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ГАЗОВОГО ЭКСПОРТА. В СТАТЬЕ АНАЛИЗИРУЕТСЯ РОЛЬ РОССИЙСКИХ «ОБХОДНЫХ» ГАЗОПРОВОДОВ В ЕВРОПЕ КАК ОБОЮДОВОГОДНОГО ИНСТРУМЕНТА ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ПОСТАВОК РОССИЙСКОГО ГАЗА В ЕС.

А.А. Конопляник, д.э.н., профессор кафедры «Международный нефтегазовый бизнес» РГУ нефти и газа им. Губкина, Советник Генерального директора ООО «Газпром экспорт»

НОВЫЕ ГРАНИ ГАЗОВОГО РЫНКА

В 2009 году страны ЕС (а вместе с ними и все государства «Большой энергетической Европы», то есть связанные с ЕС стационарной капиталоемкой энергетической инфраструктурой) «проснулись» в новом газовом мире. На рынке газа ЕС сложился избыток предложения за счет факторов, лежащих как на стороне спроса, так и предложения. На стороне спроса рыночная ниша для газа сжимается в результате продолжающегося затяжного экономического кризиса, повышения энергоэффективности в странах ЕС и замещения газа другими энергоресурсами. В первую очередь возобновляемыми источниками энергии, жестко субсидируемыми национальными правительствами, и дешевым импортным углем из США, вытесненным из страны («эффект домино») еще более дешевым американским сланцевым газом.

На стороне предложения усилилась конкуренция поставщиков внутри сжимающейся рыночной ниши для газа в ЕС. В первую очередь, это произошло за счет перенаправления ранее нацеленных на США экспортных потоков сжиженного природного газа (СПГ) из Катара в ЕС. Это произошло после того, как американский рынок практически оказался закрыт для импорта газа (еще один «эффект домино» американской сланцевой революции). Это привело

к образованию избытка физического предложения газа в ЕС, резкому расширению спотового рынка газа и снижению цен разовых сделок в ЕС, которые на пике кризиса в 2009–2010 годах упали вдвое ниже контрактных. Однако после печальных событий на АЭС «Фукусима» в Японии вектор поставок катарского СПГ сменился с Европы на Японию, и разрыв между контрактными и спотовыми ценами в ЕС существенно сократился.

В сентябре 2009 года, на пике кризиса и радикальных балансовых изменений на рынке газа, произошли также принципиальные институциональные изменения – был введен в действие Третий энергопакет, предложивший кардинально иную архитектуру рынка газа в ЕС. Ввод его в действие в условиях избытка предложения газа в ЕС (на мой взгляд – чисто хронологическое совпадение) ускорил либерализацию европейского рынка газа.

Поверх всего этого произошли серьезные по своим последствиям для ЕС, Украины, России и всей «Большой энергетической Европы» политические изменения в результате январских газовых транзитных кризисов 2006 и 2009 годов, которые запустили негативные по последствиям эффекты для системы российских газовых поставок в Европу.

ЦЕЛИ РАЗНЫЕ – МЕХАНИЗМ ОДИН

ЕС преследует цель сократить доминирующую роль России как главного зарубежного газового поставщика, Украина – устранить монополию России как единственного внешнего поставщика, Россия –

устранить монополию Украины как главного транзитного маршрута в Европу и монополию Европы как основного экспортного газового рынка. Как видно, цели сторон разнятся. Механизм их достижения, на первый взгляд, один и тот же у каждой из сторон: диверсификация. Но понимают его импортеры, транзитеры, экспортеры каждый по-своему.

Для ЕС как для совокупности государств-потребителей диверсификация означает множественность источников поставки (стран-экспортеров), путей и способов доставки (трубопроводы и приемные терминалы СПГ), поставщиков (компаний, поставляющих физический газ и торгующих физическим и бумажным газом). При этом на территории стран ЕС поставки, торговля газом и использование газотранспортных мощностей должны производиться по правилам Третьего энергопакета ЕС.

Для Украины как для страны-потребителя диверсификация имеет те же грани, что и для стран ЕС. При этом на территории Украины как страны, присоединившейся к «Договору об Энергетическом сообществе с ЕС» (ДЭС)¹, операции на рынке товарного газа и на рынке транспортировки газа также должны производиться, по истечении действующих контрактов, по правилам действующего законодательства ЕС для газовой сферы, то есть по правилам Третьего энергопакета ЕС.

Для России как для страны-экспортера диверсификация означает множественность географических рынков (государств-импортеров), путей и способов доставки на эти рынки (трубопроводы и экспортные терминалы СПГ), покупателей (по номенклатуре импортеров и сфере их деятельности). Под диверсификацией для России понимается, в первую очередь, выход на новые азиатские рынки в дополнение к основному сегодняшнему европейскому экспортному рынку. Но все три грани диверсификации применимы и к продолжению работы на европейском рынке.

Таким образом, для России и ЕС существуют общие грани диверсификации, нацеленные на снижение транзитных рисков за счет множественности путей доставки. Для России это означает формирование обходящих Украину газопроводов.

Предпосылки новой газотранспортной стратегии

С начала экспорта советского газа в Западную Европу в 1968 году действовала госплановская концепция поставок: «один рынок – одна труба». При этом надежность поставок гарантировалась тем, что система экспортных трубопроводов проходила по территории стран – членов СЭВ, а пункты сдачи-приемки

находились на их границе со странами ЕС. Юридически суверенные государства – члены СЭВ были на практике подконтрольны указаниям из Москвы, откуда осуществлялся фактический контроль над трубой, а право собственности на газ в трубе до пунктов сдачи-приемки на западной границе СЭВ принадлежало всесоюзному внешнеторговому объединению «Союзгазэкспорт». Но страны СЭВ и не были заинтересованы создавать риски для бесперебойности транзита через их территорию, ибо поставки советского газа в сами эти страны осуществлялись по льготным ценам, а его доставка шла по тем же экспортным трубам, что и в страны ЕС. При этом контроль надежности и бесперебойности поставок находился в одних руках, за все отвечал грузоотправитель (советская/российская сторона). А значит, никакой угрозы транзиту в то время не существовало.

В начале 1990-х годов, после распада системы СЭВ и затем СССР, новые суверенные транзитные государства стали собственниками газотранспортных систем (ГТС), расположенных на их территории. Возможность прямого контроля из Москвы над операторами ГТС в этих странах оказались утраченными, но механизмы льготных цен на поставляемый в эти страны газ вплоть до конца 1990-х (бывшие страны СЭВ) и середины 2000-х годов (страны СНГ) создавали мощные стимулы для сохранения бесперебойности транзита. Затем Россия подписала серию межправительственных соглашений с большинством этих стран, минимизируя тем самым потенциальные транзитные риски. А кое-где «Газпром» смог даже войти в акционерный капитал компаний-собственников ГТС.

Но с начала 2000-х годов возникли транзитные проблемы с Украиной и Белоруссией. Стороны разошлись во мнениях относительно сбалансированности предоставляемых друг другу льгот в условиях изменившейся ценовой конъюнктуры (рост цен на нефть вызвал рост контрактных цен на газ). Это привело к краткосрочным сбоям поставок российского газа в Европу в 2006 и 2009 годах. В результате для минимизации транзитных рисков мы были вынуждены перейти к концепции «один рынок – две трубы», диверсифицируя маршруты доставки газа на существующие рынки. Концепция «множественности трубопроводов» стала нормальной реакцией экспортера на изменившиеся условия на рынке газа.

Следует помнить, что «Газпром» в рамках заключенных им с европейскими контрагентами контрактов на поставку (из них некоторые имеют срок действия до 2035 года) обязан доставить законтрактованный газ в оговоренные сроки и в соответствующих

¹ Вступил в силу для Украины в феврале 2011 г. Не путать с «Договором к Энергетической Хартии» (ДЭХ).

объемах в пункты сдачи-приемки, находящиеся ныне далеко в глубине территории ЕС. Таким образом, в рамках одного контракта на поставку «Газпрому» как поставщику необходимо заключить несколько контрактов на транспортировку. Это увеличивает номенклатуру контрактов, необходимых для реализации одной торговой сделки, и ведет к росту транзакционных издержек и рисков. При этом в результате принятия в 2003 году Второго энергетического пакета ЕС «Газпром» не может быть более собственником/акционером газотранспортных компаний-операторов в странах ЕС или странах, применяющих законодательство ЕС на своей территории. «Газпром» оказался лишен, тем самым, акционерных рычагов влияния на надежность исполнения своих контрактов на поставку.

Однако если поставщик несвоевременно или не в полном объеме доставляет газ в пункт сдачи-приемки, это чревато для него судебными исками и высокими штрафами за нарушение контрактных условий поставки. В 2006 и 2009 годах их, к счастью, удалось избежать – наши европейские партнеры

проявили мудрость и дальновидность и не стали разменивать долгосрочные устойчивые отношения с Россией/«Газпромом» на сомнительные краткосрочные экономические дивиденды штрафных санкций. Но, учитывая нынешнюю политическую ситуацию, высока вероятность того, что в случае еще одного срыва транзитных поставок покупателями российского газа будут предъявлены финансовые претензии к «Газпрому».

«Один рынок – две трубы»

Поэтому было решено создавать альтернативные пути доставки газа на рынки Северо-Западной и Южной Европы – транспортные системы «Северный поток» и «Южный поток». Они должны были прийти в те же пункты сдачи-приемки, куда доставляется газ и по украинской ГТС (см. рис. 1). «Северный поток» через одноименный морской трубопровод и трубопроводы на суше ЕС – OPAL и Gazelle – «дотягивается» до Вайдхауса на германско-чешской границе – основного пункта сдачи газа для дальнейшей поставки в страны Северо-Западной Европы (СЗЕ).

Для «Южного потока» (состоящего из морской и наземной в ЕС частей) было выбрано два конечных пункта – Баумгартен на австрийско-словацкой границе (основной пункт сдачи газа на входе в австрийский транзитный трубопровод TAG для дальнейшей поставки в Италию) и итальянский Тарвизио (на выходе из TAG).

Таким образом, сооружение данных альтернативных трубопроводов стало попыткой поиска динамического равновесия в рамках концепции «один рынок – две трубы», уравнивающей появление новых транзитных рисков в связи с геополитическими изменениями на карте Европы в 1990-е годы.

Следует еще раз подчеркнуть, эта концепция предполагает переброску на новые маршруты в первую очередь существующих контрактных обязательств по поставкам после завершения соответствующих транзитных контрактов.

УКРАИНСКИЕ ТРАНЗИТНЫЕ РИСКИ

Строительство столь масштабных проектов требует огромных финансовых вложений, которые привлекаются, как правило, с рынка заемного капитала (долговое или проектное финансирование). Поэтому для инвестиционного проекта большое значение имеют не только прямые (технические) затраты, но и риски, которые в итоге также трансформируются в дополнительные финансовые издержки. Например, если есть риск прерывания транзита, это реальная угроза для финансовых институтов, что представляемые ими в долг деньги на модернизацию транзитной ГТС не будут своевременно возвращены. Значит, эти заемные средства либо будут выделены под более высокий процент, либо не будут предоставлены вовсе. Транзитные поставки через украинскую ГТС характеризуются сегодня за пределами высокими рисками.

Снижение рисков путем дополнительных расходов на строительство новых трубопроводов – вполне логично с точки зрения экономики решение. То есть речь идет не о поставках новых объемов российского газа, а о минимизации транзитных рисков путем переброски на новые транспортные маршруты имеющихся обязательств. Идет размен дополнительных затрат на повышение надежности поставок.

Именно поэтому Россия заявила, что после завершения в 2019 году 10-летнего транзитного контракта с Украиной не станет возобновлять его. Это означает, что нынешний украинский транзит будет переброшен на новые маршруты, которые, по мнению российской стороны, характеризуются либо полным отсутствием (северный обходной маршрут), либо более низким уровнем транзитных рисков (южный обходной маршрут).

ВЫНУЖДЕННАЯ АДАПТАЦИЯ

Однако и с северным, и с южным обходными газопроводными маршрутами развитие событий было и остается далеко не безоблачным. Составная часть северного обходного маршрута – трубопровод OPAL – не получила от германского регулятора разрешения на 100%-ное использование мощности трубы поставщиком газа, но только на 50%. Еврокомиссия руководствовалась «творческой» интерпретацией положений Третьего энергопакета ЕС, притом, что в юридических документах энергопакета такое ограничительное положение отсутствует. Это привело к ухудшению экономики всей системы против проектной.

В случае «Южного потока» Россия («Газпром») и ЕС (Еврокомиссия) сначала разошлись во мнениях относительно легальности реализации сухопутной части проекта на условиях, противоречащих действующему законодательству ЕС. Стороны затеяли длительную дискуссию, по итогам которой прозвучало жесткое и однозначное заявление Еврокомиссии, что на условиях, отличных от законодательства ЕС, проект реализован не будет. Затем Болгария по тем же причинам долго не выдавала разрешение на прохождение трассы морской части трубопровода через свои территориальные воды. При этом сама морская трасса «Южного потока» претерпела изменения. От первоначальной, более короткой, прямой и проходящей через исключительную экономическую зону (ИЭЗ) Украины по мелководью Черного моря пришлось отказаться и перейти к более длинной и проходящей через более глубоководную ИЭЗ Турции.

В результате 1 декабря 2014 года Президент В. Путин объявил об отказе России от проекта «Южный поток» и о переходе к реализации проекта «Турецкий поток» (см. рис. 2).

Отмечу, что была изменена не стратегия поставок – но лишь точка выхода на берег морской части трубы как элемента обходного трубопроводного маршрута поставок российского газа в Южную Европу в рамках концепции «один рынок – две трубы».

От «Южного» к «Турецкому» и к «Северному потоку-2»

Итак, 1 декабря 2014 года «Газпром» и турецкая Botas подписали меморандум о взаимопонимании по поводу сооружения нового морского и короткого сухопутного газопровода до границы с ЕС, названного «Турецким потоком». Соответственно, должен был измениться и дальнейший маршрут поставки по суше от границы ЕС в направлении существующих пунктов сдачи-приемки российского газа, расположенных в глубине ЕС. Планируемые изначально объемы перекачки по

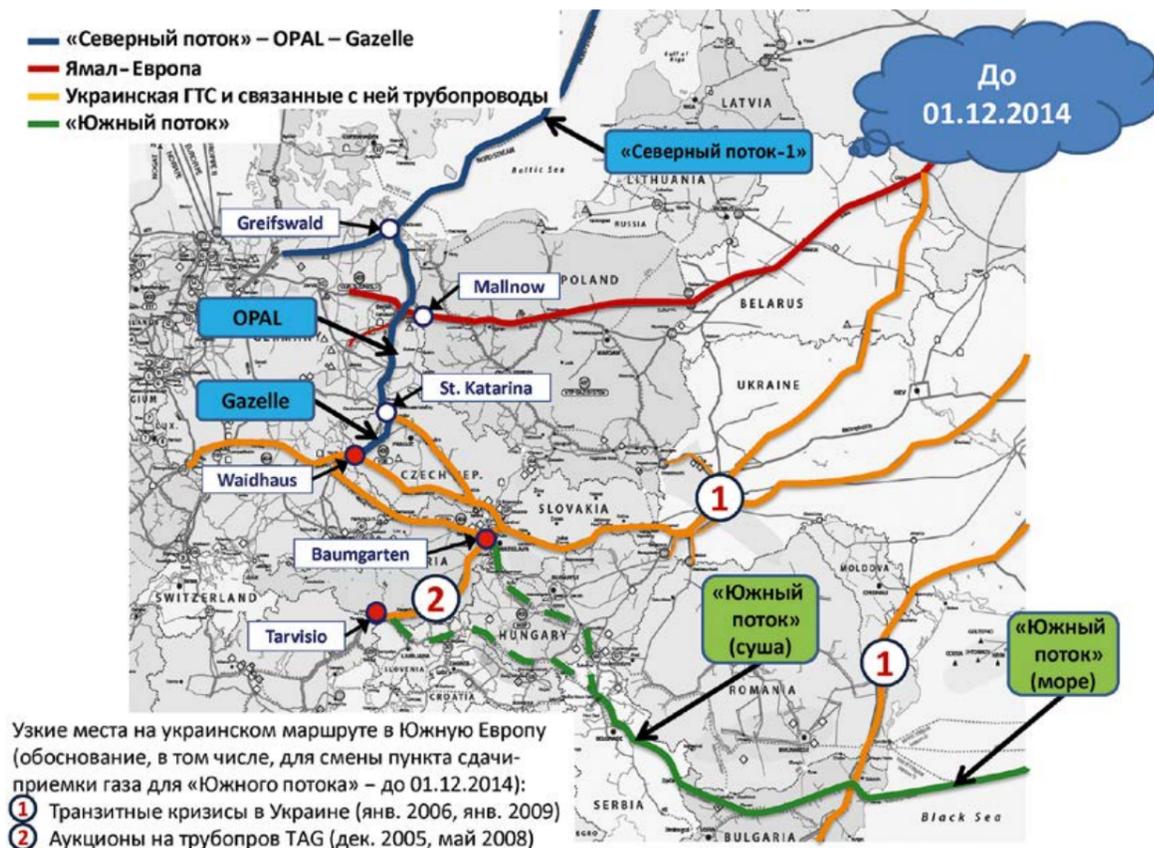

Рис. 1. Украинские и обходные трубопроводы в рамках концепции «две трубы на каждый рынок» (до 01.12.2014)

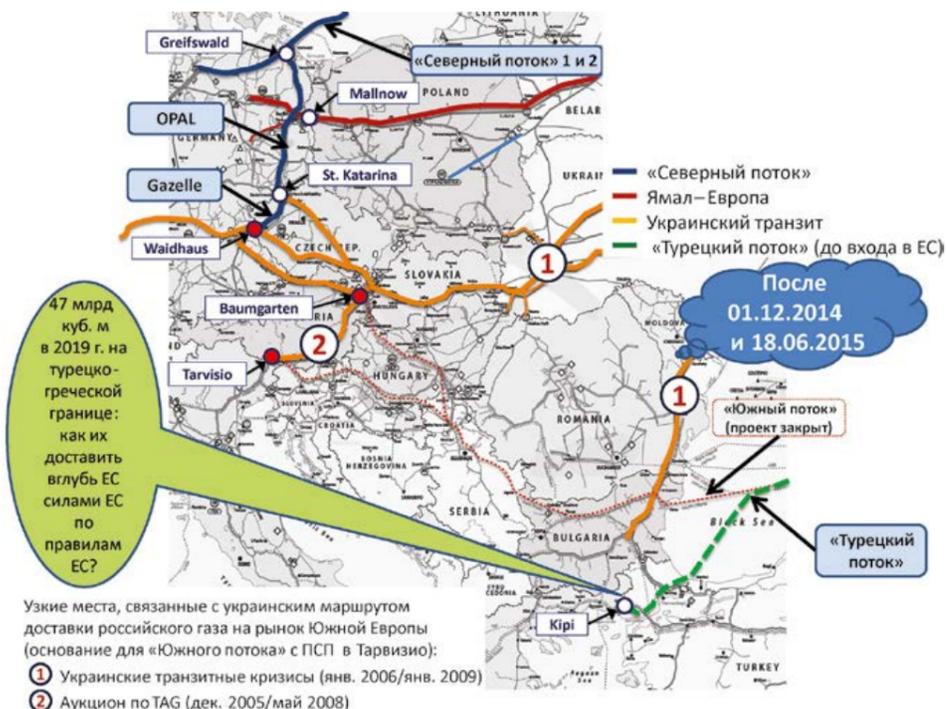

Рис. 2. Украинский транзит и обходные трубопроводы для поставки российского газа в Европу в рамках концепции «один рынок – две трубы» (после 01.12.2014 / 18.06.2015)

морской части «Турецкого потока» должны были остаться прежними, как и для морской части «Южного потока» – 63 млрд м³ в год по четырем ниткам трубопровода. Из них 16 млрд м³ (одна нитка) пойдет на рынок Турции, а 47 млрд м³ (три нитки) должны были быть доставлены на турецко-греческую границу, для дальнейшей транспортировки вглубь ЕС.

Однако потом началась чехарда. Турция увязала выдачу разрешений и подписание необходимых межправительственных документов на строительство с предоставлением скидки на российский газ по контракту его поставок в Турцию. Затем в Турции начался правительственный кризис, и работы по подготовке межправительственного соглашения стали затягиваться. У сторон возникли разногласия по количеству ниток газопровода, что в корне меняло всю экономику проекта. Замедление подготовительных работ препятствовало началу реализации проекта и риску, что к 2019 году морская часть проекта (включая наземную турецкую часть) может не быть построена.

Таким образом, транзитные риски «Турецкого потока» уже на подготовительной его стадии стали отчасти повторять ситуацию с украинским транзитом. Стремление Турции (как второго крупнейшего потребителя российского газа) получить максимум немедленных выгод привело фактически к мягкой форме

шантажа ею российской стороны в условиях жестких временных ограничений для последней, связанных с заявленным отказом России от украинского транзита после 2019 года.

В итоге в июне 2015 года было объявлено о формировании коммерческого международного консорциума и начале работ по проекту «Северный поток-2» (см. рис. 2). На этот морской газопровод и на новые трубопроводные мощности, продлевающие его по суше в направлении на Баумгартен, должны быть переброшены с южного обходного направления часть объемов газа для ЕС. Тем самым, происходит очередное вынужденное перераспределение поставок (будущих транспортных потоков) по действующим долгосрочным контрактам в существующие пункты сдачи-приемки российского газа для ЕС.

НОВАЯ ПРОЦЕДУРА РЕАЛИЗАЦИИ ТРУБОПРОВОДНЫХ ПРОЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЕС

В своем выступлении 1 декабря 2014 года, анонсирующем проект «Турецкий поток», Президент РФ сказал о готовности, «если будет признано целесообразным» (выделено мной – А.К.) – создать на турецкой территории, на границе с Грецией, и дополнительный газовый хаб для потребителей в Южной Европе². Для абсолютного большинства коммента-

торов ключевыми словами в этой фразе Президента стали слова про создание хаба на турецко-греческой границе, которые начали кочевать из комментария в комментарий в России и за рубежом как безусловная объективная реальность, predeterminedность. Для меня же ключевыми в этой фразе являются слова Президента, выделенные курсивом, делающие вопрос о хабе лишь неочевидной возможностью. Ведь специалистам должно быть очевидно, что сегодня экономические предпосылки для создания такого хаба (ликвидной торговой площадки в корректном экономико-правовом понимании этого термина) на турецко-греческой границе отсутствуют. В этом районе нет достаточного уровня спроса, разветвленной инфраструктуры, мощностей по хранению газа и т.п. Но в то же время Россия не могла допустить, чтобы газ, который пришел на турецко-греческую границу, там бы и «завис», – да это и просто невозможно, хотя бы исходя из курса физики средней школы. Следовательно, надо было искать какие-либо взаимоприемлемые процедурные решения с европейскими партнерами по формированию новых мощностей на существующих пунктах сдачи-приемки российского газа. Как это не покажется странным, такие взаимоприемлемые принципиальные решения были найдены в рамках совместной работы над подзаконными актами к Третьему энергетическому пакету ЕС.

Статья 13.2 Третьей Газовой Директивы ЕС гласит, что «каждый оператор ГТС обязан строить достаточные трансграничные мощности для объединения европейской газотранспортной инфраструктуры, удовлетворяющие весь экономически целесообразный и технически реализуемый спрос на мощности и принимая во внимание соображения по надежности газоснабжения». То есть, при наличии рыночного спроса на новые мощности оператор ГТС обязан их создать, а значит, профинансировать и построить. Для реализации этого положения Европейским Объединением операторов газотранспортных систем (ENTSOG) в 2014 году с привлечением представителей Группы «Газпром» был разработан специальный «Сетевой Кодекс по новым газотранспортным мощностям», в виде Дополнения к Регулированию ЕС 984/2013. Оно включает в себя специальную возвращенную статью 20(d), которая детально описывает процедуру создания новых трансграничных мощностей ГТС. Данная статья фактически описывает экономически обоснованную процедуру так называемой «открытой подписки» – open season, которая предусматривает выявление рыночного спроса на новые мощности на предстоящие 15 лет и последующий механизм его удовлетворения путем использования существующих, неиспользуемых на тот мо-

мент мощностей, или новых, которые предстоит для этого создать.

И в этой связи Россия, точнее «Газпром», были намерены действовать на сей раз строго по правилам Третьего энергопакета, возложив на операторов ГТС соответствующих стран – членов ЕС обязанность по созданию новых мощностей ГТС от новой точки входа российского газа на территорию ЕС на турецко-греческой границе в направлении на Баумгартен и Тарвисо по территории стран Юго-Восточной Европы, попутно удовлетворяя законтрактованный и новый спрос на газ этих стран.

26 декабря 2014 года разработчик упомянутого Кодекса – Европейское объединение операторов ГТС (ENTSOG) передал его в Европейское Агентство по сотрудничеству энергорегуляторов (ACER), которое 4 марта 2015 года завершило процедуру публичных консультаций с участниками рынка. По итогам этих обсуждений Кодекс был доработан, после чего прошел второй круг консультаций и был окончательно одобрен ACER, которое 14 октября 2015 года направило Кодекс в Еврокомиссию на утверждение. Представители Группы «Газпром» как основные пользователи инфраструктуры ЕС принимали активное участие на всех стадиях разработки и обсуждения Кодекса. 15 декабря 2015 года Еврокомиссия представляет участникам рынка газа доработанный ею проект Кодекса. После одобрения Кодекса Еврокомиссией и после прохождения процедуры утверждения всеми странами ЕС Кодекс станет юридически обязывающим документом. Ожидается, что это может произойти к июлю 2017 года.

ОТ «ТУРЕЦКОГО ПОТОКА» К НОВОМУ «ЮЖНОМУ ПОТОКУ»?

Я полагаю, что трагический эпизод с российским СУ-24 в небе над Сирией 24 ноября 2015 года следует считать точкой невозврата в наших экономических отношениях с Турецкой Республикой. Но эпизод этот надо считать не причиной, а лишь последней каплей для переоценки складывающейся системы турецких рисков, пришедших на смену украинским. Это очередной и фатальный шаг турецкой стороны на пути ухудшения отношений с Россией. В газовой сфере это наглядно прослеживалось в последовательном наращивании давления на нашу страну с целью получения Турцией односторонних выгод и преимуществ при реализации проекта «Турецкий поток». На мой взгляд, события 24 ноября 2015 года являются «необходимым и достаточным» формальным поводом для отказа от дальнейшей реализации проекта, экономическая целесообразность которого в одностороннем исполнении (на чем настаивает турецкая сторона) вообще представляется мне сомнительной. ►

² <http://www.kremlin.ru/transcripts/47126>

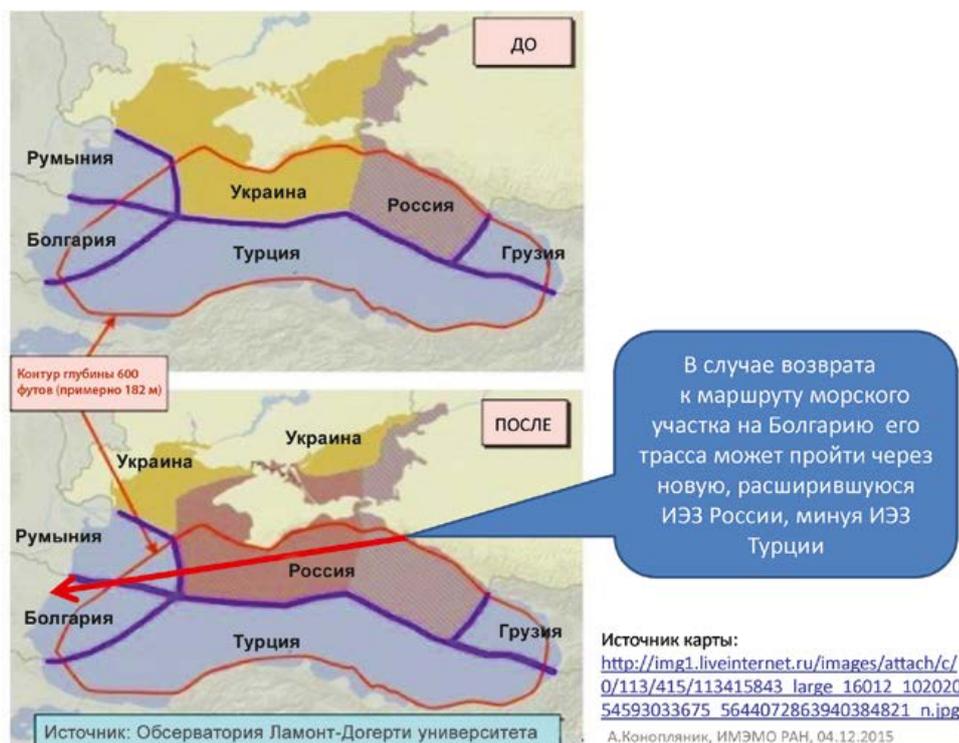

Рис. 3. Делимитация акватории Черного моря до и после воссоединения Крыма с Россией

На мой взгляд, возврат к отвергнутому ранее маршруту морской части «Южного потока» на болгарскую Варну логичен и может быть встречен с пониманием европейской стороной. Начиная с момента, когда «Турецкий поток» был анонсирован российским президентом, некоторые ключевые лица в соответствующих структурах ЕС неоднократно давали понять (на неформальной основе) свое желание видеть этот морской трубопровод выходящим на берег в Болгарии и лишь частично в Турции, для уменьшения нового «транзитного монополизма» последней.

Необходимо рассмотреть возможность реализации нового «Южного потока» как минимум в двухиточном варианте, исключив тем самым роль Турции как транзитной страны. При этом на суше проект должен осуществляться строго в соответствии с правилами существующего законодательства ЕС, то есть по правилам Третьего энергопакета, в идеале – на основе статьи 20(d) проекта Сетевого кодекса ЕС по новым мощностям (Дополненное Регулирование ЕС 984/2013).

Новый «Южный поток»

На мой взгляд, возможный новый «Южный поток» должен быть видоизменен по сравнению с его одноименным предшественником, как в морской части маршрута, так и с процедурной точки зрения в его сухопутной части.

Морская часть нового «Южного потока» может быть спрямлена. После возврата Крыма под юрисдикцию России турецкая и украинская исключительные экономические зоны (ИЭЗ) перестали смыкаться в Черном море. Появилась возможность пройти через «новую» расширившуюся ИЭЗ России напрямую в ИЭЗ стран ЕС (Румыния и Болгария), минуя как украинскую, так и турецкую зоны (см. рис. 3).

Такое изменение маршрута, если проект сможет быть реализован, принесет двойную экономию средств. Во-первых, новый «старый» маршрут почти на треть короче. Во-вторых, он пройдет по акваториям с гораздо меньшими глубинами вод.

Конечно, возникает множество дополнительных вопросов для обсуждения. Сравнивая варианты, необходимо оценивать их риски. На мой взгляд, публичное обсуждение этой острой темы необходимо. Хотя бы для того, чтобы общественное мнение России и Европы могло осознать ситуацию вокруг выбора оптимального варианта продолжения бесперебойного газоснабжения Европы российским газом без излишней политической окраски, затрудняющей поиск взаимоприемлемого долгосрочного компромисса сторон. Все грани этой проблемы должны быть понятны не только узкому кругу людей, принимающих решения в заинтересованных странах, но профессиональному сообществу и широкому слою общественности. ■

Представленная статья отражает личную точку зрения автора.